

Н. Н. Макарова

«Пока живой — писать буду...»: повседневность чувств эпохи Великой Отечественной войны

(по материалам личной переписки магнитогорцев)

***Макарова Надежда
Николаевна,***

кандидат
исторических
наук, доцент,
Магнитогорский
государственный
технический
университет
им. Г. И. Носова
(Магнитогорск,
Россия)

Изучение повседневной жизни народа в экстремальных условиях военного времени в результате общественно-политических перемен в стране, переосмысления теорий социального развития и идеологических приоритетов, происходящих в общественном сознании, стало одной из наиболее активно изучаемых проблем в современной российской историографии. Появление новых концептуальных подходов и направлений, изменение содержания источниковой базы, ее расширение в результате рассекречивания и публикации архивных документов по истории Великой Отечественной войны создали новые возможности для исследования истории повседневности периода 1941–1945 гг. В результате в условиях антропологического поворота и развивающейся тенденции человеческого измерения истории Великой Отечественной войны внимание к так называемой истории эмоций усиливается.

Впервые проблему изучения эмоций поставил Л. Февр¹, а вслед за ним изучением данного вопроса занялись Й. Хейзинга, Н. Элиас, Т. Зелдин. По меткому выражению А. Ю. Рожкова, «до них в исторической науке наблюдалась парадоксальная ситуация: эмоции и чувства, имевшие на протяжении веков заметное место в культурной истории, сами оставались без истории»². В России

данное направление исторической науки только делает первые шаги³. В этой связи очень важным научным мероприятием стала Международная научная конференция «Эмоции в российской истории и культуре» и издание сборника материалов «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций»⁴. Исследование истории эмоций военного времени специально не проводилось, а отдельные публикации подобного рода акцентировали внимание на традиционных сюжетах: фронтовая повседневность, быт, чувства участников боевых действий и эвакуированного населения, столкнувшегося с многочисленными трудностями военного времени. В этом ключе серию интересных научных работ создали историки Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, И. В. Тажиудинова⁵. Исследователям удалось проанализировать широкий спектр проблем, прямо или косвенно затрагивающих эмоциональную сторону жизни населения Советского Союза в годы войны: практики удовлетворения основных жизненных потребностей, особенности труда, военной службы, отдыха и досуга советских граждан, восприятия ими времени и пространства, основные стратегии выживания населения, семейные отношения, любовь и дружбу, жилищный и религиозный вопросы в жизни советского человека, а также практики использования свободного времени в 1941–1945 гг. Проблематика изучения эмоций в годы войны поднималась автором данной статьи ранее в контексте анализа чувств людей, оказавшихся вдали от линии фронта⁶. Несомненно, интересно понять, как население, находившееся за сотни километров от непосредственных боевых действий, ощущало эту войну; как письменные практики (дневники и письма) отражали мир переживаний людей.

В данной статье предпринимается попытка дальнейшего анализа эго-источников, принадлежавших перу магнитогорцев — участников Великой Отечественной войны на фронте и в тылу. Подробное изучение пласта источников личного происхождения не просто заполняет лакуны и воссоздает более объемно картину былого, но и позволяет приблизиться к пониманию исторического прошлого в его многообразии. В нашем распоряжении оказались следующие эго-источники: во-первых, комплекс писем семьи Краузе-Берсенева за 1937–1942 гг. (в переписке не упоминается о событиях на фронте, так как никто из членов семьи не служил в армии); во-вторых, письма с фронта и на фронт, сохранившиеся в личных семейных архивах магнитогорцев, в фондах историко-краеведческого музея и архива г. Магнитогорска.

Письма как особый исторический источник наиболее ярко отражают спектр чувств и переживаний, с которыми сталкивались авторы текстов. Несмотря на цензурные условия, люди писали письма очень активно. Война вызвала в стране небывалую эпистолярную активность. Переписка в годы войны являлась порой единственной связующей нитью между людьми, средством восстановления душевного равновесия, возрождения забытых чувств покоя, умиротворения, домашнего уюта, ощущения семейного очага и т. д. По оценкам Т. Фатиной, «ежемесячно в действующую армию почта доставляла порядка семидесяти миллионов писем. Примерно столько же, а может быть и больше, отсылалось с фронта. Это свидетельство о самочувствии солдата на грани жизни и смерти, о его помыслах и чаяниях. Это, по большому счету — рассказы о войне, которые

не найдешь ни в каких других источниках»⁷. Переписка выступала ключевым коммуникативным каналом между фронтом и тылом, письма оказались «одним из основных способов удовлетворения потребности в эмоциональных переживаниях»⁸. Так, В. Русин писал: «Моя любимая! Несколько минут назад я получил твоих два письма... Искренне благодарю, мой друг, за внимание и любовь ко мне. Я счастлив тем, что так часто получаю от тебя весточки...»⁹. Большинство писем военной поры были краткими, напоминая телеграммы, многие указывали на то, что писать нечего, и сообщали о здоровье, передавали приветы, информировали о новых адресах. Вот один из подобных текстов: «Здравствуйте, дорогие родители папа и мама, а также братишки и сестренки! Во первых строках разрешите передать вам свой привет и пожелать наилучших успехов в вашей домашней жизни. Пишите, как у вас жизнь, что нового в Магнитогорске, как живут мои братья и сестры, что слышно от Марии, и вообще — все! Напишите мне адрес Миши Насекина, а то я его адреса не знаю. Вот пока и все, больше писать нечего, а приеду домой — все расскажу, что знаю. Передайте привет родным и знакомым, а также Татьяне. С приветом, ваш сын Петр»¹⁰. Но были письма, которые отличались особой эмоциональной глубиной, проникновенностью, сообщали любопытные детали военной повседневности, преодолевая цензурные ограничения.

Анализ источников личного происхождения, созданных магнитогорцами, показал, что весь спектр чувственных переживаний и эмоциональных реакций условно можно разделить на две большие группы. Первая включает в себя чувства, которые магнитогорцы адресовали врагу. Это, как правило, были гнев, ненависть, злоба, отчаяние. Вторая группа представляет огромный диапазон эмоций, возникающих по отношению к самим себе, а также к родным и близким людям, втянутым в круговорот военных событий, к изменившейся бытовой стороне жизни. Это сторона эмоциональной жизни магнитогорцев была гораздо богаче и разнообразнее — от любви до ненависти, от радости до печали, от счастья до горя. Граница в мире чувств военной поры стала крайне подвижной и едва уловимой. Об этом неоднократно в своих письмах упоминали и магнитогорцы, указывая, что порой чувств не было никаких. Чем дольше шла война, тем чаще в письмах возникали описания *страха, боязни, ужаса, тоски, страдания, эмоциональной усталости*, вызванной бытовыми проблемами: «Ощущаю только страшную усталость и отвращение ко всему на свете»¹¹.

Война привнесла в жизнь магнитогорцев непрочность, неясность происходящего, обострив ощущения горечи и невосполнимости утрат. «Раньше все было проще — работа, дом, заботы, субботники... И так каждый день! А теперь — мы были здесь (в тылу. — Н. М.), а что там (на фронте. — Н. М.) — неясно...»¹². Справедливо отметила историк Т. П. Хлынина, что на фоне войны «предвоенные репрессии и ужасы колхозного строительства «уходили куда-то вглубь, на периферию сознания, перед которым во весь рост вырисовывалась куда большая и грозная беда — война. Война, поравнявшая всех перед лицом смерти, и стершая из памяти все предыдущие обиды»¹³. Уже в письме от 26 июня 1941 г. В. Ф. Берсенева писала: «С этим (войной. — Н. М.) придется примириться, как и со всем другим *тяжелым и горьким*, что еще ждет впереди всех нас (здесь и далее курсив

в цитатах наш. — Н. М.)»¹⁴. Понимание опасности предстоящего, важности события, боязни за себя и своих родных людей очень часто встречается в рассказах ветеранов фронта и тыла. Можно предположить, что подобные мысли и мироощущение были у большинства советских людей, но все же вряд ли кто-то рисовал ту картину будущего, которая возникла в реальности.

Эмоциональный репертуар В. Ф. Берсеновой¹⁵ был разнообразен в целом, но вполне типичен для человека военной поры. Ее письма демонстрируют особую яркость и эмоциональность. Написанные прекрасным литературным языком, письма читаются очень свежо и интересно. Подобные тексты являются скорее исключением из общего массива писем. Авторы чаще всего сообщали наиболее значимую с точки зрения военного времени информацию, констатируя факты из фронтовой, бытовой или личностно-эмоциональной сферы жизни. Естественно, что уровень образования автора писем, среда, в которой воспитывались и проживали корреспонденты, общий социокультурный контекст — все это влияло на содержание текстов, определяло круг забот, страхов, тревог и радостей, то есть всю совокупность стандартов поведения, идентифицируемых субъектом, — эмоциональное кодирование.

Воспоминания, опубликованные в советский период, вполне традиционно описывают начало войны и ее последующий ход: «Началась война 1941 года. Мы, учителя, отказались от летнего отпуска и уехали с учениками 6–7 классов в совхоз „Наровчатка“, где работали на прополке овощей. Трудно начался новый 1941–1942 учебный год. Многие семьи остались без отцов. Учителя, комсомольская и пионерская организации окружали заботой и вниманием семьи фронтовиков...»¹⁶

Несомненно, в годы Великой Отечественной войны преобладающим среди многообразия эмоций и чувств, декларируемых официальной пропагандой и имевших широкую поддержку среди горожан, стало чувство ненависти к врагу. Материалы периодической печати периода Великой Отечественной войны пестрят заголовками о фашистских захватчиках, вероломно напавших на Советский Союз. В разнообразных рубриках газеты «Магнитогорский рабочий» регулярно публиковались статьи и заметки, призывающие вести борьбу с врагами, захватчиками, фашистами... Официальный дискурс военной поры в Магнитогорске, как и по всему Советскому Союзу, формировал особый эмоциональный режим¹⁷. Складывание повседневных эмоциональных практик также осуществлялось под воздействием власти. Ярким примером в этой области может служить процедура проводов на фронт — важное событие в жизни человека, семьи, города, страны. У городского вокзала собирались родственники и друзья призывников, «играл оркестр, а партийные агитаторы устраивали чтение местных и центральных газет, разъясняя политическую обстановку»¹⁸. Влияние эмоционального режима ощущается в текстах, написанных много позже: «С первых дней войны Жабин В. В. находится в боевом строю. Участвует в оборонительных сражениях под Старой Руссой... Летом 1942 года обстановка была накалена до предела. Гитлеровцы рвались к Волге, стремясь стереть с лица земли город. Но героические защитники Сталинграда стойко отражали натиск врага»¹⁹. На одном из участков фронта сражалась и воинская

часть, в которой воевал магнитогорец В. В. Жабин. «Подразделение политрука Жабина В. В. дисциплинированное, боевое. Оно всегда готово выполнить любой приказ. В боях за Сталинград Жабин В. В. и его бойцы дерутся отлично»²⁰. Любопытно, что письмо родным, написанное им на случай гибели, цитировалось в советских изданиях частично: «Бойцы моего подразделения дрались как львы. Противник несколько раз пытался прорваться с танками, но наши воины, чудо-богатыри, отбивали их и не пропускали вперед. Уверен, потомки нас не упрекнут в трусости и малодушии»²¹. Возникает вопрос, неужели, прощаясь с матерью и сестрой, политрук В. В. Жабин не написал ни строчки о том, что он их любит, целует на прощание, просит прощение за что-то или просит не переживать о нем? Скорее всего, эти строки были изъяты из публикаций советской поры как лишние или незначительные. Однако сохранился значительный объем писем с фронта, в которых наряду с «обычными чувствами» существует ненависть и злоба, адресованные врагу: «Лизенок мой, даже не верится, что я встретился с тобой и нашей дочкой. Вместе в *радостью* меня охватывает и *грусть* за такое детство Вали — нашего первого ребенка. Ей так много сейчас надо. Не отнимать у нее ее детство. Ну как тут не возьмет *зло* на этих *извергов*, *выродков* и все что хочешь. Дайте только в бинокль увидеть эту *нечесть*, не один десяток снарядов пушу в их стан со словами: „За отнятое советское детство многих советских детей! Вот вам, получайте, еще, еще и еще много раз по центнеру смертоносного подарка!...“ »²². Политрук П. И. Шутов, работавший в мирное время заместителем секретаря парткома строительства Соцгорода Магнитогорска, в письме от 18 ноября 1941 г. писал: «Во-первых, спешу сообщить вам, что я жив и здоров, чего и вам желаю всего наилучшего вашей жизни, и плодотворной работы на разгром врага, повседневной помощи нашей любимой Красной Армии... приезд мой домой и встреча с семьей может быть только после полной победы над фашизмом. Пока изверг Гитлер не будет разгромлен, — меня не ждите...»²³

Однако если обращение к чувству ненависти к врагу возникало в материалах периодической печати и источниках личного происхождения, опубликованных в советский период, регулярно, то о страхах и ужасах войны говорить было не принято, хотя никто присутствия этих эмоциональных проявлений в жизни населения тыла не отрицал. В условиях войны «личная жизнь как выражение индивидуальных чувственных переживаний не прекращалась, неизбежно «встраиваясь» в новый формат существования»²⁴. Жизнь в тыловом городе, где бытовые условия были далеки от идеальных в предвоенный период, стала еще сложнее: «На Магнитке жизнь сейчас не больно легкая и становится все труднее»²⁵. Дефицит, голод, тяжелый физический труд и всеобщее горе обостряли чувства людей. Большинство магнитогорцев оказались лишены привычного образа жизни, быта и окружения (в тылу и на фронте). Но даже в этих условиях люди переживали «обычные» чувства.

В военное время любовь продолжала существовать в жизни людей, но с известными ограничениями. В письмах магнитогорцев чувство любви представлено достаточно широко, но как и в личной переписке военных лет по всей территории Советского Союза, любовь выглядит эмоционально сдержанной. Подобная

сдержанность объяснялась наличием цензоров, практикой публичного чтения писем перед сослуживцами на фронте и домочадцами, друзьями, соседями в тылу. Советские стандарты скрытности и интимности любви, практиковавшиеся на протяжении 1930-х гг., прочно вошли в женский и мужской варианты любовных переживаний. Однако в письмах порой очень по-разному демонстрировалась любовь. Влияние на текст письма в первую очередь оказывала человеческая индивидуальность, степень знакомства с объектом обожания, особенности межличностных отношений до начала войны и т. д. Например, в письмах П. И. Шуртова обращение к жене звучит исключительно как «многоуважаемая супруга Елена Петровна»²⁶. Боец В. Русин к жене обращается более нежно: «Моя верная подруга! Шлю тебе и сыночку Эдику свой искренний привет. Весточки от тебя до сих пор нет, и это меня волнует. Пиши, мой друг, чаще, я жду твоих весточек»²⁷. А вот В. М. Антипин в письмах был намного эмоциональнее по отношению к жене: «Здравствуй, моя дорогая! Сегодня у меня счастливый день! Приехал от тебя с письмом Сахаров... Милая моя девочка, жди меня, скоро должен у тебя быть, не могу даже представить, что скоро тебя увижу, смогу обнять тебя и разговаривать с тобой. Хожу как в тумане и все представляю себе нашу встречу... На этом пока писать заканчиваю, остаюсь твой любящий тебя муж Виктор. Целую крепко-крепко»²⁸.

Война оказалась испытанием на прочность для многих брачных союзов. Длительная разлука, разговоры на фронте о предательстве жен, об отказе женщин жить с мужем-инвалидом не способствовали укреплению семьи. Видимо, опасаясь чего-то подобного, боец А. С. Криворотов написал довольно пространное письмо своей супруге: «Здравствуй славная, милая Галка! Ты писала мне, что чувствуешь, что я болен, и — верно. Тогда я был болен, но перед боем я опять здоров. Разве я думал, что в солнечный весенний день я буду ранен. Ты и так, дорогая понимаешь, как может быть ранен танкист? Ты знаешь, я даже горжусь, что я танкист. Меня вот и в госпитале не по фамилии называют, а „танкист Саша“... Когда я с трудом под огнем... с отбитой снарядом ногой вылезал из горящего танка, сразу тогда мелькнула в голове далекая родина, мать, отец, славная жена... ну, а остальное не интересно, как я дополз... Ранен я был 15-го в 11 часов утра. Твой Сашка, как видишь, тоже участник Великого наступления на Берлин... Не мог тебе сразу написать, потому что состояние было паршивое. Ведь кроме правой ноги, которую ампутировали, в левой были осколки, лицо и руки обожжены. Когда я посмотрел в зеркало, то и смешно, и больно стало. На меня смотрел одноглазый, черный, весь в волдырях человек. Трудно было разобрать, где брови, где — что... Три дня назад я стал подниматься на локти и кушать сам, а то меня кормили как маленького. Ну полежу, нужно полагать, — месяцев 6–7. Если бы ты знала, как мучительны перевязки, сколько я перетерпел и сколько еще придется... Я уж как-то после перевязки думаю: нет, пусть уж Галка родит мне дочь, а сыны, бедняжки, сколько их без рук, без ног и совсем убитых... Ты, Галюша, только береги себя и не волнуйся, я тебе написал все откровенно, твой черный Сашка-танкист любит тебя по-прежнему и ни чуточки не сомневается в твоей сильной ко мне любви, а жалости мне не нужно... Вот и все, славная... Целую тебя, славная. И маму тоже. Ваш Сашка»²⁹. Несложно заметить, что текст

письма насыщен эмоциональными переживаниями, что душевная боль автора письма не менее значительна, чем физические страдания. Автор нарочно подчеркивает значимость боя, в котором участвовал, роль танковых соединений среди других родов войск и словно между делом сообщает о своем тяжелом ранении. С одной стороны, в этом могло крыться стремление уберечь жену от переживаний; с другой стороны, А. С. Криворотов «предупредил» свою супругу о состоянии своего здоровья. После сообщения о ранении автор письма отмечает, что ранение не повлияло на взаимную любовь супругов.

Магнитогорки практиковали переписку с военнослужащими, с которыми ранее знакомы не были. Так, медицинская сестра Сима написала ряд писем бойцам в госпитале и вскоре получила ответ от бойца Бутусова. Переписка завязалась и, судя по имеющимся письмам, была довольно активной. Окончание данной любовной переписки нам осталось неизвестно, но уже второе письмо от Бутусова к Симе было написано по схеме, о которой впервые написали историки Южного научного центра Российской академии наук: от одного-двух случайных писем в целях поиска эмоциональной отдушины некоторые корреспонденты переходили к «глубокому общению». «Добрый день или вечер Сима. Письмо я ваше получил, за что остался очень вам благодарен за ваше отношение и заботу ко мне. Прочитав его, мне кажется — и боли на мгновение стихли... Симочка, по части переписки, я ваше мнение поддерживаю в целом, и даю слово отвечать вам аккуратно... Это временное молчание явилось многими причинами в моральном состоянии в области переживания болей, которые были ранее и предстоят в скором времени, о которых как видите, хочу объяснить Вам. Вот лежу я уже третий месяц и раны не заживают... Сима, я не хотел прервать свою начатую мысль в своем письме... Сима, я просто затрудняюсь развивать дальнейшую мысль, ибо не представляю вас. Я полагаю, что вы в следующем письме опишите мне о себе подробно... Сима, мне очень желательно иметь вашу фотокарточку. Если мое требование дойдет до вашего сознания и будет оно в ваших интересах ко мне, и вы выполните его в скором, я тоже на ваши запросы в долгу не останусь и взаимно вам всегда отвечу... С дружеским приветом к вам Бутусов»³⁰.

Внимание и забота о здоровье и бытовых условиях регулярно возникает как в письмах фронтовиков, так и в письмах тыловиков. Вопросы о самочувствии, о качестве питания, о наличии одежды и обуви были возможны только между родными и близкими людьми: «Здравствуйте, мои дорогие и никогда не забываемые жена Клавдия и дочка Томочка. Спешу Вам сообщить о том, что я жив и здоров... обо мне не беспокойтесь, меня кормят хорошо, я одет и обут... Крепи свое здоровье, оно пригодится на воспитание нашей дорогой дочки Томочки. Тома, ходи в кино, играй, веселись, обо мне не думай. Я скоро вернусь, как только разгромим Гитлера, который навязал нам это несчастье. Тома, танк мой самый крепкий и надежный, который способен любой немецкий танк раздавить... Пока до свидания. Ваш Павлик. Целую вас по сто раз»³¹. Бойцы настоятельно рекомендовали своим женам и детям вести нормальный, насколько это возможно, образ жизни, не переживать о них, заботиться о своем здоровье и т. д. Наиболее любопытны в этом ключе письма А. Н. Грязнова своим жене и дочери. А. Н. Грязнов интересовался урожаем картофеля, давал советы

и наставления по его выращиванию, рекомендовал жене не жалеть его костюмы и перешивать их в необходимую одежду для дочери. Круг вопросов в переписке заочно знакомых людей был намного уже и официальнее. Как правило, в него входили новинки кинематографа, недавно прочитанные книги. Бытовая сторона жизни не выносилась на обсуждение.

Чувство тоски по дому и родным людям, ушедшим на фронт, было одним из доминирующих в спектре эмотивов. Часто авторы писем отмечали, что видят во сне своих детей, дом, любимых людей. Магнитогорец стахановец А. Н. Грязнов писал: «Я по Галичке тоже сильно скучаю. Она в моих глазах всегда как живая, всегда рядом. Вот, вроде бы она около меня сейчас и косы ее обвивают мою шею. Вот, я их будто глажу. Вот ты расплетаешь косу, вот заплетаешь. Она хохочет. Садится за стол и говорит: „Мама, я хочу молока!“ Вот ты ставишь четверть молока, и мы все пьем... И неужели прошло уже почти три года! Вы всегда со мной, на сердце, в уме, в глазах, а на самом деле не виделись 31 месяц! Ужасно!»³² Стремление ощутить присутствие родных рядом вылилось в обмен фотографиями. Бойцы посылали свои фотоснимки домой, а им на фронт отправляли фотографии из дома. Магнитогорец Николай Шарапов писал жене и сыну: «Письмо от известного вашего мужа Коли. Добрый день, дорогая Нюся и сынок Геночка, передаю вам свой пламенный привет и крепко целую много раз... Я не могу на твое фото насмотреться. Как никого нет, так я вытаскиваю карточку и смотрю...»³³ А. Н. Грязнов регулярно посылал фотографии домой. Более того, ему удавалось запечатлеть себя в разные моменты своего фронтового пути. Грязнов будто писал фотолетопись о себе: «Посылаю вам карточки. С капитаном Трубниковым и один»³⁴. Для многих фотография оказывалась материальным выражением чувственных переживаний, нитью, связующей с домом. Недаром боец Николай Дурегин в письме домой писал: «Получил ваших два письма, в одном из них фото, как был тронут им, за время моего пребывания в армии — это первая фотография. И вот, смотря на нее, я увидел, как вы сильно изменились, в особенности Сима, да, действительно „идет время, меняются люди“. Но ничего, это очень дорого для меня и я буду хранить ваш образ всегда и всюду»³⁵. Поперек письма Верещагина М. А. красным карандашом было написано: «Жду фотокарточку. Еще раз крепко целую тебя. Мишка»³⁶. Эмоциональная связь между родными людьми довольно сильна, поэтому в текстах писем неоднократно возникают сюжеты о необъяснимых переживаниях родственников друг о друге, о гнетущей тоске, о нежелании что-либо делать в определенные моменты без явных причин. А через некоторое время переписка устанавливала, что именно в минуты тревог за много сотен километров родные либо получали ранения, либо тяжело болели. Так, А. С. Кривоворотов писал жене: «Ты писала мне, что чувствуешь, что я болен, и — верно. Тогда я был болен...»³⁷. Формой выражения чувств и эмоциональных переживаний несомненно является творчество. Видимо, поэтому многие фронтовики в письмах домой посылали стихи. Боец Н. Дурегин писал о том, что «скучать стал, до полуночи не могу уснуть, все думаю, как бы встретиться с вами, но думаю, что моя мечта сбудется, ждите!»³⁸ А мечтал фронтовик, вспоминая стихи советских и российских поэтов. Владимир Русин неоднократно писал жене

о поэтах, любимым среди которых был К. Симонов, так как он «критикует тех подруг жизни, которые не сумели ждать своих мужей, забыли их»³⁹.

Еще одним универсальным понятием времен войны стало *ожидание*. Люди тревожились и ждали вестей с фронта: «От Гриши нет вестей с 25 мая. Его отец очень *тревожится*... Только очень *тревожат* мысли о бомбардировках Москвы, о той опасности, которой ты ежедневно подвергаешься...»⁴⁰. Телеграммы в военное время радовали, даже если их содержание было не самым радужным. Важно было лишь то, что человек жив. В. Ф. Берсенева, видимо, поэтому неоднократно просила сына сообщать ей любыми способами сведения о себе, это, по ее словам, «утешало, поддерживало, делало душу спокойнее»⁴¹. Терпение и самообладание стали спутниками повседневной жизни магнитогорцев. В. Ф. Берсенева писала о том, что «всем нам понадобится много выдержки, терпения и самообладания»⁴². Интересно, что категория «терпение» трактовалась, во-первых, в смысле ожидания новостей от родных: «Каждый день проходит в ожидании весточки»⁴³. Во-вторых, «терпение» понималось как ожидание прекращения войны и всех бытовых неудобств, связанных с ней.

Несмотря ни на что, жизнь шла своим чередом, нужно было заботиться о детях, учиться, работать, решать бытовые проблемы и конфликтные ситуации. В военное время продолжали работать высшие учебные заведения, студенты сдавали экзамены, зачеты, школьники писали контрольные работы. Успехи детей вызывали радость как у них самих, так и у родителей. В письмах сыну В. Ф. Берсенева неоднократно отмечала, что ей было очень приятно узнать о достижениях детей в учебе в основной и музыкальной школах: «Порадовалась я и твоему успеху на экзамене»⁴⁴. Радость встречи всегда вызывала бурю приятных эмоций, а в годы войны встречи ценились еще сильнее: «В июле 1943 года мне была нужна юридическая помощь. Пошла к прокурору Кировского района. Вошла в кабинет... вдруг прокурор вскакивает... налетает на меня, ...я падаю в объятия. Это мой комик. Новиков! Забыто настоящее. Мы оба наперебой вспоминаем прошлое...», — вспоминала одна из первых учителей Магнитогорска О. П. Эбулдина⁴⁵.

Насколько приемлемыми в годы войны были чувства, подобные *зависти*, *мести*, *неприязни* в тыловом социуме, судить сложно. Некоторые ответы на эти вопросы дают эго-источники. Так, наибольшие конфликты в быту вызывало совместное проживание в одной квартире разных людей со своими привычками и предпочтениями: «Они (семья Кальмееров и Струженских, подселенные в квартиру к Берсеневым. — Н. М.) очень не ладили между собой и к нам предъявляли разные претензии... С нашими вещами обращались очень бесцеремонно. Рылись в наших шкафах в наше отсутствие... И мне, и отцу это не могло быть приятно, но мы старались молчать, чтобы не портить отношений...»⁴⁶ Судя по письмам, молчать решили только хозяйева квартиры, а все остальные постоянно ссорились, кричали, предъявляли претензии и обвинения друг другу. Утрата покоя как составляющей приватного пространства беспокоила В. Ф. Берсенева, о чем она неоднократно писала сыну: «У нас дома все здоровы, только нет прежней тишины... Теперь у нас поселились чужие люди... Мы совсем закрыли дверь из детской в прихожую и ходим все только через дверь в столовой, которую запираем, когда уходим из квартиры. Наши жильцы — три женщины и двое

маленьких детей — пока не делают нам ничего плохого... Только у них громкие голоса, и дети плачут часто»⁴⁷.

Военное время подталкивало к размышлениям о смысле жизни и счастье. Счастье как жизненная категория вызвала, по оценкам В. Ф. Берсеневой, серьезные споры. Но ее общий вывод был таков, что во время войны «счастье — это отсутствие несчастья... Мы живем в большой и светлой квартире, и над нами не падают бомбы. И это — большое счастье»⁴⁸.

Чувство страха для военной поры, несомненно, было актуальным. Анализ комплекса писем семье Краузе-Берсенева за период с 5 июня 1941 г. по 4 декабря 1942 г. показал, что наиболее часто в текстах повторялись универсалии «страх», «тревога», «боязнь». Использование набора данных эмотивов в письменной речи вполне обоснованно, так как у большинства магнитогорцев в первые дни войны на фронт ушли добровольцами или по призыву родственники и друзья. В. Ф. Берсенева и ее семья не стали исключением. Многие соседи и друзья оказались на фронте, но *страшнее* всего для матери была возможная мобилизация на фронт ее 17-летнего сына — студента Московского университета. В. Ф. Берсенева в письме от 26 июня 1941 г. сыну в Москву отметила: «Вот и пришло то *грозное*, чего мы все с такой *тревогой* все эти годы ждали...»⁴⁹. Действительно, в предвоенные годы в источниках личного происхождения встречаются мысли или указания на слухи о близкой войне. Вскоре война вошла в повседневную жизнь Магнитогорска как данность, в которой надо было жить, работать, мириться... «Трагическая гибель Леки потрясла всех нас до глубины души. На бедных его родителей нельзя смотреть без скорби, хотя они оба стараются переносить свою утрату мужественно»⁵⁰, — так сообщала Вера Федоровна Берсенева сыну Руфу о гибели его одноклассника в Москве во время обстрела. Далее женщина отметила, что, несмотря на горе людей, она рада тому, что все члены ее семьи живы и здоровы. Подобный дискурс противоречил официальному облику войны, когда все в едином порыве трудились и воевали ради победы. А вот поведение родителей погибшего студента, «которые стойко держались», было проявлением эмоционального кодирования, характерного для военной поры.

Историк Е. С. Сенявская отмечает, что «страх в бою — естественное чувство, вызванное инстинктом самосохранения... Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность»⁵¹. Однако в письмах о страхе упоминать было не принято. По крайней мере, в большинстве писем, пришедших в Магнитогорск с фронта, слово «страх» отсутствовало. Тем не менее, внимательное прочтение писем фронтовиков позволяет почувствовать его между строк. Гвардии младший лейтенант, командир танкового отделения Павел Шеметов писал домой письма «под шум снарядов и визг пуль»⁵², мастер мартиновского производства А. Н. Грязнов сообщал жене и дочери о том, что «смерть... не страшна, а даже радостна»⁵³, но при этом он вел определенную подготовку к бою, анализировал свои сильные и слабые стороны: «Кажется буду драться по-новому. Себе в записную книжечку самые главные моменты из учебы записал на случай необходимости. Конечно, теория — теорией, а практика куда труднее. Если в теории говорится — надо окружить противника, дробить его на мелкие группы и уничтожать, — на практике же это куда труднее. Все же надо знать, какой

маневр избрать при различной обстановке, при различной выполняемой задаче. Здоровье, как будто, тоже подготовлено к бою. Рука почти не вредит»⁵⁴. В целом в условиях постоянной опасности чувство страха притуплялось и одновременно постоянно трансформировалось — страх за свою жизнь, за жизнь сослуживца, за невыполнение боевой задачи, за здоровье родных и т. д. Однако есть письма фронтовиков, в которых не страх был доминирующим чувством, а храбрость, желание идти в бой. Действительно, «в бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»⁵⁵. Наиболее ярко среди всех магнитогорцев-фронтовиков о чувствах во время боя писал в письмах А. Н. Грязнов: «Я бы не лег! Пусть бы лучше потери были в бою, чем лежа... Я бы крикнул: „Вперед! За мной! В бога мать... Коли!“ Вот, Клавдинька и Галичка! Теперь я себя узнал полностью. Я не для кабинета. Я для боя. В кабинете я некультурный, грубоватый, не инженер. А вот в бою — как раз. Как нарочно сделан для боевых дел. Что главное я заметил у себя в характере. Нет трусливости. Есть устойчивость. Есть храбрость»⁵⁶.

Чувство опасности, присутствующее на фронте постоянно, утомляло, бойцы нуждались в эмоциональной разрядке. Распространенным средством от усталости, страха, боли выступал алкоголь. В письмах фронтовиков-магнитогорцев неоднократно сообщалось об употреблении водки: «Добрый день, мои милые голубки! Куда бы я от вас ни уехал, но забыть вас ни на час не смогу... Сейчас кормят хорошо, дают водки 200 грамм. И жизнь идет весело... Ваш Павлик»⁵⁷. Часто случалось, что даже алкоголь не спасал человека от физических и духовных переживаний. Боец А. С. Смолькин в письмах к родным сообщал, что ничего не спасает от «нутриной боли», что комиссия признала годным к службе, а осколок вынимать не стали. Однако главной психологической сложностью для А. С. Смолькина стала необходимость вновь вернуться на фронт: «Не знаю, чем со мной кончится, опять ранят или добьют совсем...»⁵⁸

На фронте формировалось особое отношение к смерти: она превращалась в обыденное явление. Фронтное правило гласило о том, что родным погибшего бойца кроме похоронки отправляли письмо сослуживцы. Тексты этих писем просты и похожи друг на друга. Родным сообщалось о героической гибели бойца, обещалась месть за него и скорая победа. В 1943 г. мать красноармейца Самата Садыкова получила от сослуживцев сына письмо: «Здравствуйте, дорогие родители нашего незабываемого товарища, который пропал без вести в районе Черкас. Этим даю знать, что сын ваш храбро боролся с врагом, но во время боя, где он дедался, — никому не известно»⁵⁹. Другое письмо получила вдова В. Я. Талесника. Старшина роты, в которой комвзводом служил магнитогорец В. Я. Талесников, сообщил «жене лейтенанта Талесника Вульфа Яковлевича, что... муж погиб смертью храбрых за деревню, которую фашисты сильно укрепили, 5 апреля 1942 года. Прошу не расстраиваться, мы за него отомстим»⁶⁰. Несмотря на содержание, такие письма бережно хранились родственниками, так как однополчане были последней нитью, связующей с сыновьями, мужьями, братьями. Видимо, поэтому некоторые магнитогорцы вступали в переписку с сослуживцами своих погибшей родных, просили рассказать подробнее о последних минутах их жизни. Магнитогорец Борис Кузьмин трудился на комбинате с 15 лет, был ударником, участвовал в областной конференции добровольного спортивного общества «Строитель Востока», о нем

не раз писали в городских многотиражных газетах. На фронте он также проявил себя как отважный капитан танкистов, его снимок публиковали в «Правде». О смерти героя Бориса Кузьмина в Магнитогорск сообщал лейтенант Н. Г. Просеков: «Дорогая мамаша! Сегодня, т. е. 3 августа 1943 г. в боях за советскую родину пал смертью героя Ваш любимый сын, а наш любимый командир и боевой друг старший лейтенант, орденоседец Борис Иванович Кузьмин. Дорогая мамаша! Мы знаем, что тяжела Ваша утрата — гибель Бори. Но, мы — танкисты, той части, которой командовал Ваш сын, сегодня, провожая в последний путь своего любимого командира, клянемся, что будем еще сильнее громить фашистских людоедов, которые отняли жизнь у нашего друга. Дорогая мамаша! Не плачьте о Боре! Хотя тяжело, но Вы не плачьте, мужайтесь, знайте, что Ваш Борис живет и будет жить в сердце каждого танкиста. Мы все хотим быть такими смелыми как Ваш сын, и мы — смелы, мы отомстим фашистским варварам за Бориса. Высылаем Вам его фотографии»⁶¹. Психология комбатанта соединяла в себе черствость, привычку к смерти, боли, страданиям вокруг себя и одновременно сострадание к родным погибших, желание утешить насколько это возможно. В письме самого Бориса Кузьмина, датированном 15 сентября 1942 г., есть любопытная деталь. Красноармеец Кузьмин сообщил, что копил деньги на сберегательной книжке, которые «по смертности так же идут на имя мамуличке»⁶².

Подводя итоги, необходимо отметить, что культурная история эмоций помогает нам лучше понять жизненный мир человека ушедшей эпохи как повседневный мир чувств и эмоциональных проявлений, а источники личного происхождения разрушают привычные представления и мифы о повседневной жизни периода Великой Отечественной войны, давая возможность понять, как думали и что чувствовали горожане. Магнитогорцев волновал исход войны, для них была важна победа, но не меньшее значение в годы войны приобретали собственные мысли, переживания, заботы. Эти эмоции и чувства во многом зависели от условий, создаваемых для горожан в быту и в труде. Эго-источники, отражающие духовный мир людей, свидетельствуют о том, что человек, несмотря на неустроенность вокруг, страхи, тревоги, заботы, а иногда и благодаря этому, испытывал потребность в многообразии чувств. Их мир огромен: радость, страх, безысходность, забота, любовь, ненависть и т. д. Все они были вполне «обычными», характерными для любого человека и любой эпохи, но в условиях войны и связанных с ней сложных социально-бытовых условий, обострялись. Горожане, лишённые привычных социальных связей и обстановки, переживали «обычные» чувства особенно остро, более эмоционально, когда тревога оказывалась чрезмерной, страх — паническим, безысходность — преследующей, радость и любовь — безграничными. Эмоциональный режим военного времени, продиктованный официальной пропагандой СССР, не предполагал открытой демонстрации чувственных переживаний, жизни напоказ. Согласно советской идеологии, человек должен был быть сильным, стойким, непримиримым к врагам. Часто только письма оставались единственным «слушателем», готовым принять эмоциональную боль, тревогу, раздражение... Именно письменные практики стали одним из немногочисленных способов осмысления происходивших вокруг событий.

- ¹ Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 109–125.
- ² Рожков А. Ю. «Эмоциональный поворот» в исторической науке: основные понятия и подходы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. №3–4. С. 101.
- ³ Зорин А. «Понятие литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива: история и повествование. М., 2006; Красавский Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008; Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 51–77; Юханнисон К. История меланхолии: О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2011; и др.
- ⁴ Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010.
- ⁵ См.: Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Тажидинова И. Г. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011; Хлынина Т. П. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // Проблемы российской истории. 2013. №1. С. 295–307; Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону, 2013; Кринко Е. Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. 2010. №1 (10). С. 456–470; Тажидинова И. Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. 2010. №1 (10). С. 487–504; и др.
- ⁶ Макарова Н. Н. «Мир чувств» в годы Великой Отечественной войны (по материалам Магнитогорска) // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в Победе в Великой Отечественной войне: Мат-лы Всерос. науч. конф. 2015. С. 171–178.
- ⁷ Фатина Т. В. Предисловие // Фронтовые письма — нервы войны: научно-публицистическое издание, посвященное 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Магнитогорск, 2015. С. 5.
- ⁸ Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г. «Сердце высказать не могу», или о повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону, 2009. С. 168.
- ⁹ МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Письмо Русина В. от 27.07.1944 г.
- ¹⁰ Там же. Письмо Надеждина П. Ф. от 21.5.1941 г.
- ¹¹ Пришла война в Березки. Письма матери / О. Ф. Краузе, И. В. Андреева, Е. В. Арсентьева. Череповец, 2011. С. 81.
- ¹² Воспоминания А. И. Чесноковой. Записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.
- ¹³ Хлынина Т. П. «Писали и про войну, и тоску по дому»...
- ¹⁴ Пришла война в Березки... С. 55.
- ¹⁵ Вера Федоровна Берсенева родилась в 1897 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье морского офицера — Федора Аркадьевича и дипломированного врача — Елены Константиновны. В. Ф. Берсенева получила блестящее образование сначала в Выборгском восьмилетнем коммерческом училище, затем во Франции (1912–1914 гг.), потом на Бестужевских Высших женских курсах в Петербурге и в педагогическом институте в Москве. Она знала несколько языков. Была замужем за И. Н. Хлодовским (1904–1951), студентом-математиком, позднее профессором Московского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева. В 1923 г. у них родился сын Руф (доктор филологических наук, критик, переводчик, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН). В 1920-е гг. В. Ф. Берсенева работала педагогом-воспитателем в подмосковном санаторном отделении Дома охраны младенчества и детства (Институт Педиатрии АН СССР). В 1928 г. В. Ф. Берсенева вышла замуж за детского врача Фридриха Оскаровича Краузе. Брак оказался счастливым. В 1931 г. семья переехала в Магнитогорск.
- ¹⁶ Акулина Е. А. Мои воспоминания о Магнитке // Сб. воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. С. 17.
- ¹⁷ Эмоциональный режим — набор нормативных эмоций и официальных ритуалов и практик, выражающих их эмотивов, которые служат опорой для существующей власти и государственности.
- ¹⁸ Магнитка и победа / Науч. ред. М. Н. Потемкина. Магнитогорск, 2010. С. 69.

- ¹⁹ *Симакова А. А.* *Всю жизнь в строю.* С. 43.
- ²⁰ *Боевое знамя.* 1942. Сентябрь.
- ²¹ *Симакова А. А.* *Всю жизнь в строю // Сб. воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки.* С. 43.
- ²² *Магнитка и победа...* С. 231.
- ²³ МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Письмо П. И. Шутова от 18.11.1941 г.
- ²⁴ *Кринко Е. Ф. Тажидинова И. Г.* «Сердце высказать не могу», или о повседневности чувств военного времени... С. 168.
- ²⁵ *Пришла война в Березки...* С. 81.
- ²⁶ МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Письмо П. И. Шутова от 18.11.1941 г.
- ²⁷ Там же. Письмо Русина В. от 9.08.1945 г.
- ²⁸ Там же. Письмо Антипина В. М. от 18.01.1945 г.
- ²⁹ Там же. Письмо Криворотова А. С. от 26.04.1945 г.
- ³⁰ Там же. Письмо Бутусова от 4.08. 194* г.
- ³¹ Там же. Письмо Шеметова П. И. от 26.06.1942 г.
- ³² Там же. Письмо А. Н. Грязнова от 16.06.1944 г.
- ³³ Там же. Письмо Шарапова Н. В. от 01.11.1942 г.
- ³⁴ Там же. Письмо Грязнова А. Н. от 21.05.1944 г.
- ³⁵ Там же. Письмо Дурегина Н. от 21.05.1943 г.
- ³⁶ Там же. Письмо Верещагина М. А. 1945 г.
- ³⁷ Там же. Письмо Криворотова А. С. от 26.04.1945 г.
- ³⁸ Там же. Письмо Дурегина Н. от 21.05.1943 г.
- ³⁹ Там же. Русин В. 14.04.1945 г.
- ⁴⁰ *Пришла война в Березки...* С. 57.
- ⁴¹ Там же. С. 65.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 62.
- ⁴⁴ Там же. С. 61.
- ⁴⁵ *Эбулдина О. П.* *Хочется оглянуться на пройденный путь // Сб. воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки.* С. 49.
- ⁴⁶ *Пришла война в Березки...* С. 82.
- ⁴⁷ Там же. С. 55, 63.
- ⁴⁸ Там же. С. 77.
- ⁴⁹ Там же. С. 55.
- ⁵⁰ Там же. С. 62.
- ⁵¹ *Сенявская Е. С.* *Фронтная повседневность Великой Отечественной войны: опыт конкретно-исторического исследования // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону, 2009.* С. 123.
- ⁵² МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Письмо Шеметова П. И. от 20.12.1942 г.
- ⁵³ Там же. Письмо А. Н. Грязнова от 16.06.1944 г.
- ⁵⁴ Там же. Письмо А. Н. Грязнова от 21.05.1944 г.
- ⁵⁵ *Момыш-Улы Б.* *Психология войны.* Алма-Ата, 1990. С. 40.
- ⁵⁶ МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Письмо Грязнова А. Н. от 16.06.1944 г.
- ⁵⁷ Там же. Письмо Шеметова П. И. от 20.12.1942 г.
- ⁵⁸ Там же. Письмо Смолькина А. С. от 18.03.1943 г.
- ⁵⁹ Там же. Письмо о С. Садыкове от 9.12.1943 г.
- ⁶⁰ Там же. Письмо старшины Бакулина от 17.04.1942 г.
- ⁶¹ Там же. Письмо Н. Г. Просекова от 3.08.1943 г.
- ⁶² МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Письмо Кузьмина Б. И. от 15.09.1942 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Макарова Н. Н. «Пока живой — писать буду...»: повседневность чувств эпохи Великой Отечественной войны (по материалам личной переписки магнитогорцев) // *Новейшая история России*. 2016. №3 (17). С. 159–174. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.310 УДК 93/94 (392)

Аннотация: В условиях антропологического поворота и развивающейся тенденции человеческого измерения истории Великой Отечественной войны, внимание к так называемой истории эмоций усиливается. Впервые проблему изучения эмоций поставил Л. Февр, а вслед за ним изучением данного вопроса занялись Й. Хейзинга, Н. Элиас, Т. Зелдин. В России это направление исторической науки только делает первые шаги. В данной статье рассматриваются духовные переживания и спектр чувств магнитогорцев-фронтовиков и тружеников тыла — непосредственных участников трагических событий Великой Отечественной войны. Письма как особый исторический источник наиболее ярко отражают спектр чувств и переживаний, с которыми сталкивались авторы текстов. Несмотря на цензурные условия, люди писали письма очень часто. Война вызвала в стране небывалую эпистолярную активность. Переписка в годы войны являлась порой единственной связующей нитью между людьми, средством восстановления душевного равновесия, возрождения забытых чувств покоя, умиротворения, ощущения домашнего уюта, семейного очага. Весь спектр чувств, переживаемых магнитогорцами, условно можно разделить на две группы. Первая группа включает комплекс эмоций, связанных с официальным дискурсом советского периода в целом и Великой Отечественной войны в частности. Вторая группа чувственных переживаний отражает мир ощущений человека, формируемый под влиянием внешних обстоятельств, но более естественный, типичный для бытия человека. Опираясь на источники личного происхождения, автор приходит к выводу о том, что мир чувств магнитогорцев был необычайно богат и преодолевал барьер официально декларируемых эмоций. Эго-источники, отражающие духовный мир людей, свидетельствуют о том, что человек постоянно испытывал потребность в многообразии чувств, а чрезвычайные условия военного времени формировали уникальные практики реализации чувственных переживаний.

Ключевые слова: история повседневности, история эмоций, Магнитогорск, Великая Отечественная война.

Сведения об авторе: кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия); makarovanadia@mail.ru

FOR CITATION

Makarova N. N. «I Will Write While I'm Alive...»: Everyday Feelings of the Great Patriotic War Era (A Case Study of Personal Correspondence of Magnitogorsk Inhabitants), *Modern history of Russia*, no 3, 2016. P. 159–174. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.310

Abstract: In contemporary terms, attention to the so-called history of the emotions is enhancing. L. Febvre first put the problem of studying emotions. He was followed by J. Huizinga, N. Elias, T. Zeldin. In Russia this direction of historical science took only the first steps. This article discusses the experiences and range of feelings of Magnitogorsk citizens, veterans and home front workers — the immediate participants of the tragic events of the Great Patriotic war. Letters most clearly reflect the range of feelings and experiences. Despite the censorship conditions, people wrote letters very actively. The war threw the country into unprecedented epistolary activity. Correspondence during the war was sometimes the only common thread between people, a means of emotional recovery, the revival of forgotten feelings of peace, comfort, hearth. The whole range of feelings experienced by the citizens of Magnitogorsk, could be divided into two groups. The first group includes a range of emotions, which were related to the official discourse of the Soviet period in General and the Great Patriotic war in particular. The second group of emotional experiences reflected the world of human sensations, formed under the influence of external circumstances. Based on the sources of personal origin, the author concludes that the world of the Magnitogorsk people's senses was unusually rich. Extraordinary conditions of wartime shaped the unique practice of sensual experiences.

Keywords: history of everyday life, history of emotions, Magnitogorsk, Great Patriotic war.

Author: Candidate of History, Associate professor, Head of the Russian History Department, G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia); makarovanadia@mail.ru

References:

- 1 Febvre L. *Boi za istoriju* (Moscow, 1991).
- 2 Rozhkov A. Yu. '«Emocionalnyj povorot» v istoricheskoj nauke: osnovnye ponjatija i podkhody', *Golos minuvshogo. Kubanskij istoricheskij zhurnal*, 2014, no. 3–4.
- 3 Zorin A. «Ponjatje literaturnogo perezhivanija» i konstrukcija psihologicheskogo protonarrativa: istorija i povestvovanie (Moscow, 2006).
- 4 Krasavskiy N. *Emocionalnye koncepty v nemeckoj i ruskoj lingvokulturakh* (Moscow, 2008).
- 5 Kelly C. 'Pravo na emocii, pravilnye emocii: upravlenie chuvstvami v Rossii posle epohi Prosveshhenija' in *Rossijskaja imperija chuvstv: podhody k kulturnoj istorii emocij* (Moscow, 2010).
- 6 Johannisson K. *Istorija melanholii: O strahе, skuke i chuvstvitel'nosti v prezhnie vremena i teper* (Moscow, 2011).
- 7 *Rossijskaja imperija chuvstv: podhody k kulturnoj istorii jemocij*, Eds. J. Plamper, S. Schahadat, M. Elie (Moscow, 2010).
- 8 Krinko E. F., Khlynina T. P., Tazhidinova I. G. *Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn v uslovijakh socialnykh transformacij* (Rostov-na-Donu, 2011).
- 9 Khlynina T. P. '«Pisali i pro vojnu, i tosku po domu»: dnevniki i pisma voennogo vremeni kak praktiki realizacii privatnogo', *Problemy rossijskoj istorii*, 2013, no. 1.
- 10 Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Hlynina T. P. *Chastnaja zhizn sovetskogo cheloveka v uslovijah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945)* (Rostov-na-Donu, 2013).
- 11 Krinko E. F. 'Prostranstvo i vremja v vospominanijakh i pismakh uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny', *Problemy rossijskoj istorii*, 2010, no. 1 (10).
- 12 Tazhidinova I. G. 'Tsennost veshhej: izmerenie voennogo vremeni', *Problemy rossijskoj istorii*, 2010, no.1 (10).
- 13 Makarova N. N. '«Mir chuvstv» v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam Magnitogorska) ' in *Znachenie srazhenij 1941–1943 gg. na Juge Rossii v Pobede v Velikoj Otechestvennoj vojne: Mat-ly Vseros. nauch. konf.* (Rostov-na-Donu, 2015).
- 14 Fatina T. V. 'Predislovie' in *Frontovye pisma — nervy vojny: nauchno-publicisticheskoe izdanie, posvjashhennoe 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* (Magnitogorsk, 2015).
- 15 Krinko E. F., Tazhidinova I. G. '«Serdze vyslat ne mogu», ili o povsednevnosti chuvstv voennogo vremeni' in *Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.* (Rostov-na-Donu, 2009).
- 16 *Prishla vojna v Berezki. Pisma materi*, Comp. O. F. Krauze (Cherepovetz, 2011).
- 17 Akulina E. A. 'Moi vospominanija o Magnitke' in *Sb. vospominanij veteranov narodnogo obrazovanija Magnitki* (Magnitogorsk, 1982).
- 18 *Magnitka i pobeda*, Ed. M. N. Potemkin (Magnitogorsk, 2010).
- 19 Senyavskaya E. S. 'Frontovaja povsednevnost Velikoj Otechestvennoj vojny: opyt konkretno-istoricheskogo issledovanija' in *Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.* (Rostov-na-Donu, 2009).
- 20 Momysh-Uly B. *Psihologija vojny* (Alma-Ata, 1990).